

Изъ записокъ 1877—78 г.г.¹⁾.

Послѣ отъѣзда Государя изъ дѣйствующей арміи Вел. Кн. Главнокомандующій оставался еще недѣли три въ Боготѣ, при чемъ отдалъ по главной квартирѣ распоряженіе—готовиться къ выступленію впередъ; предстояло двинуться сначала въ малые Балканы, а потомъ и за Балканы.

7-го или 8-го декабря пріѣхалъ къ Его Высочеству свиты генералъ графъ Алексѣй Васильевичъ Олсуфьевъ, незадолго передъ войной сдавшій въ Варшавѣ командованіе л.-гв. Гродненскимъ гусарскимъ полкомъ принцу Альберту Саксенъ-Альтенбургскому. Великій Князь очень обрадовался пріѣзду бывшего своего адъютанта, съ которымъ неразлучно провелъ юные годы службы вообще и первые годы командованія Петербургскимъ военнымъ округомъ. Съ удовольствіемъ слушая его рассказы о томъ, что происходило въ Петербургѣ, Великій Князь какъ бы отдохнулъ отъ своихъ трудовъ и заботъ. Гр. Олсуфьевъ, между прочимъ, сообщилъ, что въ столицѣ встрѣчено было съ общей симпатіей предстоявшее возведеніе предсѣдателя комитета министровъ ген.-адъют. Игнатьева—Павла Николаевича, съ нисходящимъ потомствомъ, въ графское Россійской Имперіи достоинство. Великій Князь, конечно, отъ Государя зналъ, что предстояло изданіе акта награжденія сподвижниковъ Императора Александра I и что указъ объ этомъ ожидался 12 декабря,—въ день исполнявшагося столѣтія со дня рожденія Царя Благословеннаго.

— Можно вполне порадоваться за этого достойнаго старика,—сказалъ Великій Князь; не менѣе того, я считаю заслужившимъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1915 г.

эту высокую награду Николая Павловича Игнатъева; онъ много и усердно потрудился за время бытности своей посломъ въ Царьградъ; Россія много ему обязана; неустанной работой своей онъ помогъ ей въ дѣлѣ борьбы съ державами, одолѣвавшими ее и мѣшавшими ей свободно вести безкорыстную защиту братьевъ славянъ. Кто, однако, не мѣшалъ ей, кто только не притѣснялъ въ этомъ ее; надо только Игнатъева послушать, какъ довелось послушать намъ за время нашего путешествія по востоку; ужасно было узнать, что едва-ли не больше всего свои же высшіе представители министерства иностранныхъ дѣлъ, находя нужнымъ вторить иностранной дипломатіи, ставили ему палки въ колеса, какъ послу, дѣйствовавшему добросовѣстно и съ достоинствомъ выполнявшему точно волю своего повелителя. Къ сожалѣнію, Государь больше вѣритъ имъ, чѣмъ ему, а если бы они сами—князь Горчаковъ, да и примкнувшій теперь къ числу нашихъ дипломатовъ гр. Петръ Андреевичъ Шуваловъ, понимали всю пагубность своихъ дѣйствій! Чего еще тутъ можно ожидать съ ихъ стороны при предстоящихъ переговорахъ о заключеніи мира, что тутъ будетъ,—предадутъ насъ свои же и прямо дадутъ обойти. Старикъ Горчаковъ пренесносный и упорный человѣкъ; когда-нибудь Государю придется раскаяться въ томъ, что оказываетъ ему безграничное довѣріе, но будетъ поздно; тогда локтя не укусить.

Среди послѣднихъ дней пребыванія въ Боготѣ было получено извѣстіе о томъ, что второй столичный городъ Турціи—Адрианополь заняли наши войска, дѣйствовавшія въ лихомъ набѣгѣ съ генералами Струковымъ и Скобелевымъ—отцомъ Дм. Ив. во главѣ. Великій Князь, получивъ извѣстіе объ этой новой удачѣ, доставшейся на долю частей его арміи, и узнавъ о составѣ войскъ, участвовавшихъ въ томъ лихомъ дѣлѣ, отправилъ Государю Императору краткое донесеніе, въ которомъ между прочимъ писалъ: „уланы и драгуны, носящіе названія двухъ російскихъ столицъ, послѣ лихого боя, овладѣли второй столицей Оттоманской имперіи — Адрианополемъ, который, со своимъ округомъ, вошелъ теперь въ раіонъ территорій, занятыхъ войсками Вашего Императорскаго Величества.

Снявшись во второй половинѣ декабря съ мѣста стоянки главной квартиры изъ Богота, Великій Князь со штабомъ, направился предмѣстьями Плевны и проѣхалъ черезъ Ловчу, Сельвию, Габрово, Шипку на Казанлыкъ. Здѣсь пришлось пробыть

недѣли двѣ, встрѣтить новый 1878 годъ и принять чрезвычайныхъ пословъ изъ Константинополя—Сервера-пашу и Намыка-пашу, прибывшихъ съ сонмомъ дипломатовъ, дабы отъ имени султана начать съ нами переговоры о мирѣ; затѣмъ, двинувшись на Эски-Загру, Эни-Загру, Германлы, Семенлы и Мустафа-паши—Великій Князь 14 января съ главной квартирой въѣхалъ въ Адрианополь, гдѣ остановился въ конакѣ¹⁾. Городъ, остававшійся въ послѣднее время почти пустымъ, сразу оживился и принялъ крайне торжественный видъ. Паши изъ Казанлыка прибыли съ посольствами своими вслѣдъ за главной квартирой; наводняя собою городъ, они смѣшались съ массой нашихъ высшихъ военныхъ начальниковъ, прибывшихъ въ то же время туда. Тутъ были генералы—командиры частей арміи:—Гурко, Радецкій, Криденеръ, Дандевиль, гр. Шуваловъ, Скобелевъ, Крокъ со своими штабами, а также съ составомъ штабовъ дивизій и другихъ отдѣльныхъ пѣхотныхъ, кавалерійскихъ и стрѣлковыхъ войсковыхъ частей, составлявшихъ грозную дѣйствующую армію, которая имѣла назначеніе и стремленіе поддаться къ столицѣ Турціи.

Появившаяся сразу, вслѣдствіе установившейся въ два-три дня на смѣну жестокимъ морозамъ, весенней погоды, распутица была причиной того, что обозъ, двигавшійся отъ Богота, застрялъ въ полномъ, получившемся на этомъ трактѣ, турецкомъ бездорожьѣ. Достаточно вспомнить, что изъ повозокъ Великаго Князя двѣ попали въ трясиное болото; при чемъ главной квартирѣ пришлось ихъ обогнать на полпути;—изъ всего этого въ Адрианополѣ вышла большая и тяжелая непріятность.

Хозяйственною частью Главнокомандующаго завѣдывалъ состоявшій при Его Высочествѣ его бывшій адъютантъ, памятный всѣмъ деликатный, воспитанный, крайне одолжительный генералъ Александръ Александровичъ Галль. Передъ самымъ выступленіемъ изъ Богота, онъ вдругъ захворалъ и испросилъ у Великаго Князя разрѣшеніе уѣхать въ Букарестъ къ врачамъ; завѣдываніе же хозяйствомъ, на время предстоявшаго ускореннаго путешествія главной квартиры, передать кому-либо изъ адъютантовъ или ординарцевъ, тѣмъ болѣе, что ему было необходимо заняться въ столицѣ Румыніи приведеніемъ въ порядокъ мелочей хозяйства главной квартиры.

¹⁾ Домъ присутственныхъ мѣстъ.

Выборъ палъ почему то на меня, и мнѣ было поручено принять это хозяйство. Вообще исполненіе какой бы то ни было обязанности лица, приближеннаго къ такому человѣку, какимъ былъ Великій Князь, считалось несомнѣнно за большое счастье; но доставшееся мнѣ дѣло заставило меня испытать всѣ муки большихъ ватрудненій, кои на этотъ разъ соединились съ нимъ. Во мнѣ не могло найтись ни опытности, ни сноровки къ тому, чтобы справиться съ этой, вовсе незнакомой мнѣ должностію; она представлялась сама по себѣ вообще не простою, осложненіе же, вызванное суетой ускореннаго марша, сильно дало себя знать.

Правда, и при Галлѣ, а тѣмъ болѣе при мнѣ, все въ ней болѣе сложное, несомнѣнно должно было оставаться на обязанности испытанной, давно привыкшей къ этому дѣлу прислуги Двора Его Высочества; но невѣроятнымъ хаосомъ быстрого передвиженія при испорченныхъ въ конецъ дорогахъ и среди столпленія двигавшихся въ перебой громадныхъ массъ войскъ,—дѣло совершенно неожиданно было приведено къ невѣроятному, крайне печальному, анекдотичному исходу. Нельзя повѣрить, что въ первый день пребыванія нашего въ Адрианополь, вышелъ распорядокъ такой, при которомъ Великій Князь оказался не только безъ всякой возможности предложить обычную хлѣбъ-соль свою всѣмъ состоявшимъ при немъ и разъ навсегда, еще съ Плоешть и даже съ Кишенева, получившимъ приглашеніе къ ежедневному столу Великаго Князя,—но и самъ онъ лично остался безъ обѣда, такъ какъ обоза сколько-нибудь похожаго на что-либо порядочное, необходимое для устройства походной кухни и для приготовленія кушаній, не оказалось возможнымъ собрать. Обозъ можно было надѣяться получить съ пути развѣ лишь послѣ полуночи, а потому лично мнѣ пришлось пережить очень горькія минуты.

Случилось, что однимъ изъ первыхъ узналъ о постигшемъ меня горѣ прибывшій въ Адрианополь наканунѣ прибытія Великаго Князя командиръ 8-го армейскаго корпуса—добрѣйшій, славный, незабвенный шипкинскій герой Ѳедоръ Ѳедоровичъ Радецкій, съ которымъ я имѣлъ случай хорошо познакомиться на Дунаѣ во время его операцій по подготовкѣ съ М. И. Драгомировымъ переправы.

— Знаете что, не задумываясь и совершенно просто, по-кавказски, подошелъ онъ къ разрѣшенію этой сложной задачи,—у меня у самого эти дни стола нѣтъ, но у командира 15-го стрѣлковаго батальона, моего давняго пріятеля—подполковника Беклемишева, всегда и неизмѣнно имѣется въ отношеніи продоволь-

ствія, полная чаша. Можно подать Великому Князю простой, хорошій, а главное здоровый обѣдъ.

Послѣ того, какъ миновало самое тяжелое, т.-е. доложили Его Высочеству о случившейся бѣдѣ, пришлось къ этому добавить докладъ о добромъ, симпатичномъ предложеніи старыхъ кавказцевъ; Великій Князь принялъ его такъ же просто, какъ оно было сдѣлано, и вслѣдъ затѣмъ, съ нѣкоторымъ запозданіемъ, т.-е. уже въ шестомъ часу вечера, — вмѣсто обычнаго ранняго часа великокняжескаго стола, въ зданіи адрианопольскаго конака Его Высочеству былъ поданъ обѣдъ, надо полагать, самый простой изъ подававшихся ему когда-либо въ его жизни. У Петра Александровича Беклемишева нашлись роскошныя щи, чудная гречневая каша, а на жаркое курица. Великому Князю, подъ наблюденіемъ лейбъ-медика, вмѣсто щей, поданъ былъ прекрасный крѣпкій куриный бульонъ. Къ обѣду можно было пригласить лишь немногихъ, а потому обѣдали только, — кромѣ Великаго Князя Николая Николаевича Младшаго, генералы: Непокойчицкій, графъ Н. П. Игнатьевъ, Радецкій, лейбъ-медикъ Александръ Леонтьевичъ Обермиллеръ, полковники Скалонъ, Газенкампфъ и еще два-три приближенныхъ. Великій Князь требовалъ, чтобы, выручившій его, радужный „хозяинъ обѣда“ непременно былъ бы при этомъ, а потому въ самомъ началѣ, — когда сѣлись за столъ, Его Высочество обратился къ Радецкому съ вопросомъ: — гдѣ же гостепріимный хозяинъ, угощающій насъ?

— Онъ проситъ у Вашего Высочества разрѣшенія дозволить ему остаться на бивакѣ при своихъ гостяхъ, которыхъ онъ именно на сегодня позвалъ массу, отвѣтилъ Федоръ Федоровичъ.

Послѣ обѣда Великій Князь сказалъ Ѳ. Ѳ. Радецкому, — а во всякомъ случаѣ все-таки мнѣ его покажите послѣ, я хочу лично высказать ему благодарность, — шуточное ли это дѣло, — внезапно накормить, оставшагося безъ обѣда, Главнокомандующаго, да еще привыкшаго при своемъ столѣ усердно капризничать!

Во все время этой бѣды Великій Князь оставался совершенно ровно спокойнымъ, веселымъ; сохранивъ весь, свойственный ему, юморъ, — онъ по обыкновенію, много шутилъ; всѣ мы понимали, что сколь ни казался этотъ случай мелочнымъ, — несомнѣнно требовалось очень много со стороны Великаго Князя особой снисходительности для того, чтобы онъ могъ не показать по поводу его даже тѣни неудовольствія.

Наше положеніе было тяжелое; на обязанности нашей лежало ни на минуту не забывать, въ какой степени желудокъ Ве-

ликаго Князя требовалъ осторожности, такъ какъ, въ сущности, прошло очень немного времени послѣ перенесенія Его Высочествомъ обезсилившей его въ конецъ страшной болѣзни—(заворотъ кишекъ). Заказать обѣдъ можно было въ любомъ изъ раскинувшихся по Адрианополю ресторановъ, но кто могъ бы посмѣть допустить мысль сдѣлать это; чѣмъ тамошніе армяне, греки, турки и даже европейцы-маркитанты накормили бы; Великому Князю была предписана строжайшая діета; уже и безъ того порядокъ довольствія нарушался тѣмъ, что пришлось пропустить обычное время принятія пищи и если уже это, по необходимости, должно было произойти, то надо было позаботиться о доставленіи свѣжей, идеально здоровой пищи.

Вообще можно безконечное число разъ повторить: вотъ какимъ ужаснымъ несчастьемъ разрѣшилось для меня подвернувшееся такъ некстати пребываніе „въ гофмаршальской должности“ во время быстрого передвиженія главной квартиры, а затѣмъ можно себѣ представить, въ какой степени надо было оцѣнить услугу Ѳ. Ѳ. Радецкаго и его пріятеля П. А. Беклемишева.

Всегда веселый, имѣвшій вообще привычку подшучивать А. Л. Обермиллеръ, можно сказать, совершенно подѣломъ, вздумалъ надо мной по поводу стряпшейся бѣды подтрунить въ присутствіи Великаго Князя: „а что, Андреевскій, сказалъ онъ, видно, гофмаршальская-то часть не свой братъ“! поэтому я оставилъ замѣчаніе безъ вниманія. Миѣ это показалось заслуженнымъ, а Великій Князь, принявъ серьезный видъ, поторопился за меня заступиться: что же, Александръ Леонтьевичъ, если бы онъ такъ промахнулся въ своемъ спеціальному дѣлѣ,—стоило бы говорить объ этомъ; но вѣдь въ своихъ служебныхъ дѣлахъ онъ такъ не проваливался; кто не знаетъ, какъ онъ все время несетъ свою службу!

Послѣ этихъ словъ, къ немалому удивленію окружавшихъ, присутствовавшей при этомъ гр. Ник. Павл. Игнатьевъ, взглянувъ ободряюще на меня, сказалъ: „я могъ бы это, Ваше Высочество, и со стороны подтвердить“. На лицѣ Великаго Князя появилась добрая улыбка, и онъ сказалъ: „ну, вотъ Александръ Леонтьевичъ, послушайте - ка постороннюю оцѣнку службы нашихъ молодыхъ людей“.

Е. К. Андреевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).